

О.Н.ЯНИЦКИЙ.
доктор философских наук,
Институт социологии РАН

Транснациональные экологические солидарности в России

Социально-экологической точки зрения, современная Россия не является целостностью, единым субъектом. Она представляет собой совокупность коллективных социальных акторов (организаций, общностей, групп), интересы и действия которых все чаще выходят за пределы российского государства. Но и внутри социального пространства страны разные акторы уже давно "движутся" в разные стороны. Поэтому вопрос "куда идет Россия?" или ее регионы не вполне правомерен. Теоретически говоря, суть переходного периода состоит в постепенном отходе российского общества от единой ("прогрессистской" или иной) парадигмы и принятии мультипарадигмального взгляда на перспективы его развития.

Поэтому изучение процессов формирования реальных акторов и солидарностей, размежеваний и объединений, в том числе транснационального и глобального масштаба, может дать для понимания социальной динамики России больше, чем поиски единого спасительного пути.

Теоретическими предпосылками транснационального социологического анализа являются, как минимум, три момента: феномен глобализации многих российских проблем; понимание социальных движений переходного периода не только как агентов социальных изменений, но и как фактора, стабилизирующего, поддерживающего жизнедеятельность участвующих в нем групп; интерпретация российской ситуации в терминах концепции "общества риска".

Социологически глобальность российских экологических проблем означает следующее:

локальные проблемы (загрязнения, аварии, катастрофы) стали возникать систематически, повсеместно и с такими последствиями, что воспринимаются обществом как всеобщие и неустранимые;

началось глобальное изменение среды обитания человечества (разрушение озонового слоя, изменение климата Земли и др.);

поражения, наносимые человеком среде своего обитания, не только стали гораздо более опасными — они транслируются биосферой на огромные расстояния, становясь причиной межгосударственных конфликтов и стимулом к возникновению межгосударственных институций;

растет понимание того, что воздействие измененной среды обитания на здоровье и благополучие настоящих и будущих поколений может носить необратимый характер.

Подобная сплошная социализация биосферы стимулировала возникновение "экуменических" концепций и моделей, подобных докладом Римского клуба. Иными словами, социальная рефлексия по поводу динамики глобальной социобиотехносферы приобрела систематический характер. Другой результат — осознание ценности биосферы как системы жизнеобеспечения человечества, т.е. их взаимозависимости. Возникло так называемое биосферное мышление и соответствующая социологическая парадигматика. Американские социологи Р.Данлэп, У.Каттон и Л.Милбрес выдвинули концепцию "Новой экологической парадигмы", исходящую из фундаментального факта зависимости человека от биофизических условий его существования. Сформировалась система международных институтов и организаций, а также транснациональных социальных движений и солидарностей.

В периоды глубоких кризисов общества, ломки сложившихся общностей и солидарностей, важными носителями социальных идентичностей являются социальные движения, причем их защитная (для

своих членов) функция резко усиливается. Хотя первоначально они могут иметь локальный характер (так называемые "движения одного пункта"), по своей сути они — транснациональные социальные акторы. Как властно, так и идентично ориентированные, они могут существовать достаточно долго только при условии мобилизации ресурсов и сил поддержки далеко за пределами тех мест, где эти движения возникли. Мобилизация ресурсов — основной мотор любого движения — имеет принципиально экстерриториальный характер, потому что ресурсы берутся там, где их можно взять, а не там, где данное движение было сформировано.

Чем больше ценности и цели некоторого социального движения отличаются от доминирующего в данном обществе взгляда на мир, тем активнее это движение вынуждено искать союзников за пределами государственных границ. В первую очередь это относится к экологическому движению, поскольку десятилетие российских реформ сопровождалось интенсивным ухудшением состояния окружающей среды.

"Нормализация" социальных движений, т.е. их институционализация, также носит внелокальный характер. Более того, переходный период отмечен формированием межинституциональных структур, которые, являясь формой "запаздывающей модернизации", имеют весьма причудливую пространственную конфигурацию. Сегодня "нормализация" экологических движений в России имеет форму многоуровневых социальных сетей, соединяющих неправительственные организации, действующие на межрегиональном и международном уровнях.

Остановимся на проблеме транснациональных эко-солидарностей и "обществе риска". Почему я говорю о нем, а не о привычных для российского уха авариях, катастрофах и, соответственно, о концепции "экологической безопасности"? Аварии и катастрофы суть лишь частные и видимые проявления функционирования общества риска, а концепция экологической безопасности — те или иные системы мер по борьбе с их последствиями. В политике такой подход называется принципом "выхлопной трубы".

Однако сегодня производство рисков — это прежде всего следствие *решений* — экономических, политических, социальных; сотен и тысяч решений, принимаемых ежедневно на самых различных уровнях социальной иерархии. Риски — это не сбой, не побочный эффект или теневая сторона общественного производства. Как показали У.Бек, А.Гидденс и другие создатели этой концепции, современное общество легитимно и во всевозрастающих масштабах производит не только *блага*, т.е. материальные и духовные ценности, но и *риски*, т.е. опасности для жизни человека и природы. Производство рисков — это *общественное производство*, с тем

лишь отличим, что оно подчинено как социальным, так и экологическим (биосферным) законам.

Соответственно, социальные движения и другие солидарные действия можно разделить на две большие типологические группы. Ту, которая борется за приумножение благ и их справедливое распределение (типичный пример — рабочее движение), и ту, которая борется за выживание, за уменьшение рисков, за сохранение среды своего обитания. Исторически и логически появление экологического движения как нового коллективного актора связано именно с этим, вторым видом общественного производства, так как имело своей главной целью защиту человека и природы от производимых обществом рисков.

Для социологии экологическое движение представляет интерес как индикатор появления нового регионализма, отличающегося как от традиционного, производственно-территориального, так и от современного политического, являющегося результатом процессов "суверенизации". В основе "эко-солидарностей" лежат разные уровни осознания людьми угрожающих им опасностей и рисков.

Не менее существенно, что эволюция эко-солидарностей отражает ту переходную стадию в производстве рисков, в которой мы сегодня находимся. Хотя видимое число аварий и катастроф продолжает нарастать, выясняется, что специфика общества риска состоит в том, что современные риски, порожденные высокими технологиями, пространственно нелокализуемы, их последствия некалькулируемы и некомпенсируемы традиционными способами, а персональная или даже групповая ответственность за нанесенный ущерб не может быть определена.

Также принципиальным является тот факт, что современные риски, как правило, не воспринимаются органами чувств человека, а являются ему в *форме знаний*, т.е. в своем существе связаны с наукой как формой всеобщего труда. Реакция общества на риски зависит от социальных *институтов-посредников*, формирующих общественное мнение, т.е. от экспертов и средств массовой информации.

Отсюда, общество риска порождает два типа солидарностей: *реактивные*, идентифицирующие себя с конкретным риском или его угрозой (аварии, катастрофы, решения, влекущие разрушение среды обитания), и *концептуальные*, формирующиеся на основе знания и связанных с ним идеологий.

Динамика развития эко-солидарностей была изучена нами на примере Волжского региона за 20-летний период (1976—1995 гг.). К середине 70-х годов студенческое природоохранное движение (дружины), существовавшее в СССР уже 15 лет, приступило к созданию *надрегиональных органов координации*. В последующие

6—7 лет интенсивно развивались такие ее формы, как тематические междружинные программы ("Флора", "Фауна", "Заказники"), междружинные экологические комиссии, центры документации и информации. Быстро формировались также социальные сети движения (координационные советы, семинары, выпуск информационно-методической литературы). Эти сети расширялись также за счет контактов и использования ресурсов легальных общественных организаций (Географического, Орнитологического и других обществ). Борьба лидеров движения против контроля со стороны официальных общественных организаций усиливала солидарность движения как общесоюзного социального актора с явно выраженной альтруистической направленностью. Коллективное "мы" движения выражалось двумя принципами: "Кроме нас этого никто не сделает" и "У природы везде должны быть свои люди". Иными словами, движение развивалось как концептуальное.

С начала 80-х годов стали возникать гражданские инициативы, первоначально как охранительные и экспрессивные, но очень скоро ставшие типично *реактивными*, т.е. действиями солидарного протеста. Хотя они были типичными "движениями одного пункта", но формировались чаще всего в среде социальных институтов с развитой региональной и общенациональной структурой (редакции газет, учебные заведения, научные институты). Так, в 1989 г. при центральной газете "Советская Россия" было создано крупнейшее общественное объединение — "Общественный комитет спасения Волги", положившее начало формированию нового типа солидарностей, носящих сложный экспрессивно-инструментальный характер (река Волга стала символом коллективной идентификации как национально-патриотических, охранительных, так и про-модернизационных сил, осознавших катастрофический характер способов социалистической модернизации).

Заметим, что формы региональной эко-солидарности достаточно жизнеспособны. Например, так называемый Волжский парламент (собрание экологически ориентированных депутатов всех уровней власти региона) продолжает функционировать, несмотря на повсеместную ликвидацию в 1993 г. института советской власти. То же произошло и с упоминавшимся "Общественным комитетом спасения Волги". Координирующего органа уже давно нет, а местные отделения продолжают существовать.

Однако тогда же, на рубеже 80—90-х годов, эти формы региональной солидарности стали размываться, поглощаясь национальными и международными организациями и их сетями. Основными силами, действовавшими в этом направлении, были: массовые кампании политического протеста, приведшие к созданию общероссийского демократического движения; массовые кампании эколо-

гического протеста против решений и проектов, чреватых "высокими" (субконтинентальными и глобальными) рисками; интеграция экологического и общедемократического движений в ходе кампаний по выборам в первый общесоюзный парламент (1989 г.); создание мощной общенациональной неправительственной организации — Социально-экологического союза, очень скоро превратившейся в международную; международные организации, создавшие в России мощную инфраструктуру экономической поддержки и информационного обеспечения неправительственных экологических организаций; подписание Президентом РФ ряда международных соглашений, в частности по ликвидации химического оружия.

Формирование на территории России инфраструктур международных экологических организаций означало для российских организаций ресурсную, информационную и организационную зависимость. Этот процесс я называю процессом *вестернизации*, который привел к глубокой трансформации региональной структуры этих российских организаций и изменению типа солидарностей.

Экологическое движение в регионах стало слабеть и дезинтегрироваться, уступая место растущему числу местных организаций, выполняющих посреднические функции. Структура и сети этих ячеек перестраивались по западным образцам, а выполняемые ими проекты становились все более ориентированными на социальный или технический заказ западных доноров. В целом идет процесс интернационализации региональных эко-организаций и, соответственно, их постепенный "отрыв" от российской почвы.

В результате в регионах сегодня существуют три основных типа солидарностей *локально-экспрессивный* (протестный), возникающий на почве непосредственно ощущаемых или предвидимых рисков. Идентификация — культурно-экологическая, т.е. с определенным местом, его социально-культурной средой. *Локально-рациональный*, основанный на квазирациональном выборе, т.е. выборе данной эко-группой такой общности, которая обеспечила бы ей выживание здесь и сейчас. Идентификация — чисто инструментальная, чаще всего с местными властными структурами. И *концептуальный*, базирующийся как на знании законов динамики общества риска, так и структуры социальных и политических Возможностей для выживания данной эко-группы. Идентификация здесь имеет рациональный, рефлексивный характер, конкретно — с глобальным эко-сообществом "разумных", осознающим масштаб надвигающейся экокатастрофы и имеющим стратегию выживания в ее условиях.

Структурная динамика этих транснациональных солидарностей выглядит следующим образом. Локальные (региональные) солидарности протестного характера являются необходимой предпосылкой

и организационной основой для формирования транснациональных солидарностей концептуального типа. Чем более развита инфраструктура локальных солидарностей, тем сильнее притяжение к ним транснациональных сообществ. И наоборот, чем более развиты локальные общности, тем выше вероятность их превращения в элемент транснациональных. Однако, чем дольше существуют последние в России, тем менее их деятельность носит альтруистический характер, тем более они ориентируются на самоподдержание и самосохранение.

Можно предложить три гипотезы относительно причин указанной динамики в нынешних российских условиях:

уход многих российских эко-сообществ с политической арены страны, их интеграция в сети международных неправительственных организаций есть способ самосохранения, выживания этих сообществ. Они не ощущают себя востребованными российским обществом и не идентифицируют себя с ним. Платой за "вестернизацию" является постепенная утеря этими сообществами местных социальных и культурных корней;

интернационализация российских эко-сообществ и групп есть способ, рычаг для мобилизации ресурсов мирового сообщества с целью достижения про-экологических изменений в государственной политике России;

наиболее интересной, но и рискованной, является третья гипотеза. Этот уход—интернационализация есть способ выживания российского общества путем сохранения, спасения некоторой своей части, а именно — экологических движений и солидарностей. Если это так, то кризис среды обитания в России достиг такой степени, что начинают действовать биосоциальные законы. В свое время П.Сорокин вывел закон "отрицательной селекции". Возможно, что в условиях, когда практически вся среда обитания становится опасной для жизни, начинают действовать биосоциальные механизмы "положительной селекции" — начинается отбор тех, кто строит свою жизненную стратегию в соответствии с императивами природы. Как утверждают некоторые эко-лидеры, "спасутся спасатели", т.е. люди и организации, готовые к действиям в условиях экологической катастрофы.

Подведем итог. Заключение и дискуссия. Современные экологические движения, другие формы эко-солидарностей — порождение общества риска. Общество, расширяя и интенсифицируя производство рисков, одновременно вызывает к жизни и противостоящие им силы.

В обществе "рефлексирующей модернизации" производство рисков и противостоящих им сил связано непосредственным образом: чем выше уровень производства рисков, тем более вероятным

представляется появление социальных сил — носителей про-экологических ценностей.

Специфика российской ситуации состоит в деформации названной связи. Многолетнее и все расширяющееся производство рисков не сопровождалось интенсивной рефлексией по этому поводу, а идеология и политика коммунистического и постсоветского режимов внедряли в массовое сознание представление о рисках как о неизбежной плате за экономический прогресс и государственную безопасность. Десятилетие реформ лишь усугубило разрыв между экологической критической ситуацией и ее осознанием.

Возникающие в России эко-солидарности не являются непосредственным следствием эко-катастроф и не локализируются в зонах поражения. Современные эко-солидарности носят транслокальный характер, их опорные организации тяготеют к источникам производства знания и концентрации уже существующих эко-групп, т.е. прежде всего к высокоурбанизированным районам, научным и университетским центрам.

В ситуации отторжения государством и обществом экологических ценностей российские экологические организации все более укореняются в сетях международного экологического сообщества и лишь эпизодически — в немногих российских "оазисах" про-экологического мышления и действия. Более того, эти организации идентифицируют себя с глобальным эко-сообществом. В результате формируются весьма специфические интернациональные солидарности, имеющие мало общего с российской социальной средой и культурой

В заключение зададимся вопросом, насколько естественны и устойчивы эти транснациональные солидарности.

С точки зрения Запада, они абсолютно естественны: его обеспокоенность рисками, исходящими из России, растет; у западных и российских зеленых общие цели; экологические организации западных стран, равно как и международные, стремятся расширить сферу своего влияния на Востоке; они стремятся также использовать "человеческий капитал" российских эко-групп; наконец, они хотят дать работу своим активистам, невостребованным на Западе. Кратко говоря, международные эко-организации стремятся соединить имеющиеся у них финансовые ресурсы и ноу-хау с организационным и человеческим капиталом российских зеленых.

Эти общности естественны и для российского эко-движения. Вхождение некоторых лидеров во властные структуры не дало ожидаемого результата, так как для экологической модернизации страны необходима сначала модернизация ее властных структур, смена приоритетов. Российское государство отказало своим зеленым в поддержке, оно хочет видеть в них только исполнителей

своей воли. Бизнес экологией не интересуется, а население в своей массе озабочено проблемами выживания.

Устойчивость этих солидарностей в обозримом будущем также не вызывает сомнений. Общие цели и повседневная вовлеченность в общие дела, систематическая межперсональная и межорганизационная коммуникация, сходный (рациональный) характер мотивации и одинаковая дистанцированность от своих национальных политических и экономических проблем — все это создает высокий уровень взаимопонимания и доверия. Кроме того, длительная работа в качестве пользователей глобальных коммуникационных сетей и членов общих организаций формирует достаточно унифицированную субкультуру интернационального эко-сообщества. Российские организации привлекают международные сообщества своей устойчивостью и персонифицированной ответственностью. А для российских эко-активистов "вестернизация" их деятельности есть способ восстановления былой органичности их личностных устремлений, так как переход на транснациональный уровень во многом снимает противоречие между личными и групповыми интересами — с одной стороны, и гражданским долгом — с другой. Таким образом можно утверждать, что формирование транснациональных эко-солидарностей в России является фактором социальной стабилизации и начальной ступенью экологической модернизации российского общества.